

Волков В.Н.

доктор философских наук, профессор Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма

СИМУЛЯКР КАК ЭРЗАЦ-ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ: ИМИТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Они оказались перед выбором быть либо королями, либо курьерами. Подобно детям все они захотели быть курьерами, и поэтому кругом сплошь одни курьеры. И, поскольку королей нет, они беспорядочно бегают и выкрикивают друг другу ставшие бессмысленными сообщения. Они охотно положили бы конец своей убогой жизни, но не могут отважиться нарушить служебную присягу.

Франц Кафка

Состояние современной цивилизации характеризуется разрастанием искусственных образований и механизмов, подменяющих собой социальное бытие. В таком семантическом пространстве реальность и копия сосуществуют в одном культурном контексте, в результате чего и возникает чувство утраты реальности.

Так, например, чтобы возникла политическая власть, она должна иметь своего официального представителя. Соответственно возникают группы людей, имитирующих, будто они эту власть представляют. Происходит это потому, что в процессе делегирования власти «уполномоченное лицо», «представитель» получает возможность образовывать группу, говорить и действовать от имени группы, с помощью магии слова замещать группу. Иначе говоря, человек (президент, премьер-министр, депутат, губернатор, мэр, профбосс и т.п.) получает возможность идентифицировать себя в собственных глазах и в глазах других с совокупностью людей, с народом, трудящимися, обществом, нацией, государством, партией. И вот мы уже слышим: «государство уверено», «партия полагает», «правительство решило», «народ требует», «массы недовольны» и т.п.

Получается, что группа не может существовать иначе, как через передачу, делегирование полномочий своему официальному представителю, который, в свою очередь, «порождает» эту группу, когда говорит от её лица. Так группа оформляется, конституируется через того, кто говорит от её имени. Затем возникает убеждение в том, что официальный представитель группы, знак, замещающий группу, будь то президент, премьер-министр, губернатор, депутат суть причина самого себя.

Политика — благодатное место, в котором можно производить группы, социальное. Вспомним онтологический аргумент в отношении доказательства существования Бога: если у вас есть понятие Бога, следовательно, он существует. Благодаря такому символизму можно считать существующим всё, что может быть обозначено. В данном случае воспроизводится старая ошибка — форма, производная от аргумента: все выражения, имеющие субъектом коллективность — народ, класс, государство и т. п. — предполагают решённым вопрос о существовании указанных групп. «Русские дали достойный ответ... Российский народ уверен... Трудящиеся осуждают... Мы все, как один, требуем... Вся Россия испытывает неопишемую радость по поводу удачного приземления президента...»

Официальный представитель — тот, кто, говоря о группе, скрыто ставит вопрос о существовании группы, учреждает группу в акте номинации. Следовательно, народ существует в той мере, в которой уполномоченное лицо может говорить от его имени — в соответствии с формулой: если есть представитель группы, существует и группа. И сразу же выстраивается очередь из тех, кто готов представлять интересы народа. Особенно заинтересованы в вере в существование народа и в убеждении тех, кто к нему якобы принадлежит, политические партии и госаппарат. Они и пытаются заставить говорить «народ» в один голос, выставить его напоказ через демонстрации — театральную постановку представления о народе [1].

В данном случае народ как социальная группа порождается и существует посредством корпуса официальных представителей. Иначе говоря, такой

народ существует только в вере в собственное существование, которую «уполномоченным от народа» удаётся внушить посредством своего наличия. Чтобы заставить признать себя, нужно возобновлять по традиции говорение о политике: беседы, споры, дискуссии, опросы. Политики — это профессионалы производства символической власти, они заставляют здравый смысл работать на себя, присваивают себе слова, ценностно нагруженные для любой группы.

Согласно Ж. Бодрийяру, именно в такой обстановке возникают и быстро размножаются симулякры — пространство ложных знаков, оторванных от соответствующих им реальных объектов и событий. Симулякры обладают большой сенсорной и эмоциональной насыщенностью, они создают в сознании человека более яркую виртуальную картину, чем та, что существует в реальности.

В эпоху постмодерна рассеивается не только политическое — его участь постигает и само социальное. Вперёд выступает анонимность, масса, «молчаливое большинство», которое поглощает энергию социального и политического, государства, истории, культуры, смысла. Масса безлика, в ней растворяется всё индивидуальное и личностное. Для неё не существует смерти, она бессмертна — ведь умирают всегда другие. Выступая символом повседневности, в которой царствует рутина и пошлость, масса стремится ограничить собственную активность и заменить её наблюдением или обсуждением со стороны, пересудами, сплетнями, слухами. В них рефлексия вырождается в скольжение по поверхности, профанацию предмета, хотя и создаётся видимость его мыслительного освоения, призванного создать иллюзию знакомства с ним.

В массе невозможно отчуждение, ибо здесь не существует отдельность, выделенность, самость. Масса всё низводит до среднего уровня, усредняет; то, что усреднению не поддаётся, — монументализируется, фетишизируется, превращается в предмет почитания и поклонения. Массы не оказывают сопротивления, но выступают в качестве «гигантской чёрной дыры». Рациональная коммуникация и массы несовместимы; все артикулированные

дискурсы поглощаются ею переводом в плоскость иррационального, единственная устойчивая характеристика массы — безразличие.

Масса не имеет репрезентации, хотя её непрерывно тестируют и зондируют средствами массовой информации. Любое сообщение, телепередача, социологический опрос, предвыборное исследование представляет собой вопрос/ответ, непрерывное тестирование. Тест и референдум — идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется им. Отсюда социологические опросы типа: «Как Вы относитесь к обнищанию русского народа?» «Вы за кого — за Путина, Зюганова или Жириновского?» «Как Вы относитесь к развалу Советского Союза?» «Будете ли Вы голосовать за партию, которая представляет интересы олигархов?» Респонденты не выражают собственного мнения, а воспроизводят то, что ранее было создано СМИ в виде системы симулякров. На самом деле все эти голосования, социологические опросы и референдумы — симуляция невыразимого социального. «Мы живём в режиме референдума — именно потому, что больше нет референции» [2, с. 135].

Так называемые социальные науки основываются на мнимой самоочевидности существования социального. Но социальное лишь всевозрастающий остаток «прогрессивного развития человечества». Оно производит демографический, экономический, лингвистический остаток и тут же его уничтожает, бесполезно потребляет, например, организацией полётов на Луну, проведением Олимпиад, строительством ведущих в никуда дорог, производством никому не нужных вещей, реализацией прожектов, которые должны осчастливить человечество, но в действительности лишь увеличивают количество отходов и ухудшают экологическую обстановку.

Социальное как раз и занято тем, что устраняет прирост богатства, паразитирует на нехватке, лишённости, отсутствии. Таким образом, говорит Бодрийяр, общество спасается именно дурным использованием богатств. Всё это очень напоминает общество абсурда, своеобразную оргию, пир во время чумы. У нас, например, власть упрекают: «Вы производите ядерное,

биологическое, химическое оружие, а потом пытаетесь изыскать средства, чтобы его уничтожить! Вы выбрасываете деньги на ветер, а миллионы людей голодают, живут в трущобах, лишены элементарных удобств! Вы шикаете, а вокруг бедность, нищета, болезни! Вы продаёте газ за рубеж, а в центральной России тысячи сёл и деревень отапливаются по старинке — дровами! Вы храните деньги от продажи нефти и газа в западных банках, но не вкладываете их в развитие российской промышленности». Упрёки и обвинения в абсурдном распределении общественного богатства множатся, но остаются без ответа — власть безмолвствует!

Программы партии «Единой России» — это «ловушки из пустоты», сформированные для обозначения из ничего сотворённой реальности. Таким симулякрот, например, выступает «Программа 2020» (чиновники от Единой России любят говорить «Программа двадцать-двадцать»), разительно напоминающая старые пятилетние планы, которые никогда не выполнялись. Но бесполезно взывать к логике к тем, кто не имеет о ней никакого представления. Зачем осваивать космос, когда в стране практически нет дорог? Зачем бросать деньги на Олимпиаду, когда в центре России посёлки и сёла до сих пор не газифицированы? Зачем строить президентские дворцы, если в стране нет элементарных условий для нормального лечения больных, а лекарства страшно дороги? Зачем устраивать презентации, шоу, банкеты с разрезанием ленточек, если в стране нет нормального образования? Зачем выводить деньги в американские и европейские банки тогда, когда в стране огромное количество детских домов, брошенных детей, малоимущих, безработных? Зачем выделять огромные деньги на подготовку к будущей войне или списывать долги странам Африки и Юго-Восточной Азии, если пенсионеры и бюджетники в стране нищие? Списание этих долгов, свидетельствует, помимо прочего, об иррациональности всей политической стратегии России. Сначала в России строили промышленные предприятия военно-промышленного комплекса, тратили сумасшедшие финансовые, сырьевые, материальные, энергетические, людские ресурсы. Производили

ракеты, самолёты, корабли, бомбы, снаряды, танки, автоматы Калашникова, потом это оружие навязывали странам Африки, Азии и Латинской Америки. Теперь же списывают им долг, поскольку те не в состоянии его выплатить.

Что является основополагающей ценностью этого общества? Человеческая жизнь? Ничего подобного! Главным достижением этого общества и основной ценностью является атомная бомба! Именно она определяет качество человеческой жизни. То есть главным мерилем успеха цивилизации является человеческая смерть. А раз так, то всё остальное уже не имеет смысла. Я могу в любой момент превратить вас в ничто, но было бы неплохо, если бы вы при этом оставались здоровыми людьми: не пили, не курили и не кололись. Вот почему основные дискуссии в обществе по-прежнему ведутся вокруг проблемы вооружения-разоружения.

В эру гиперреальности надстройка определяет базис, труд не производит, а социализирует, представительные органы власти никого не представляют, ибо «молчаливое большинство» не позволяет никому выступать от его имени. Наступает конец истории, симптомом которого является фетишизация прошлого. В отсутствие настоящих событий все прошлые события видятся героическими, ведь у предшествующих поколений, по крайней мере, были цели, идеалы, ценности, вера в лучшее будущее. Возникает непреодолимое желание идеализировать «славное прошлое». Отсюда немислимые ещё недавно восхваления опричнины Иоанна Грозного, изумительное по своей пошлости и низости возвеличивание таких деятелей века минувшего как Сталин, Берия, Брежнев, Суслов, Андропов, возводящее их в ранг «эффективных менеджеров». Подобные оценки весьма одиозных фигур российского прошлого не могут не появляться и на страницах учебников истории, ибо грозные указания и рекомендации-приказы как «писать и оценивать» историю идут с самой вершины пирамиды власти.

В России производство политических симулякров имеет давнюю историю. Ещё в XIX веке маркиз де Кюстин писал, что Россия страна фасадов. «У русских есть названия для всех вещей, но нет самих вещей; они богаты

только на словах: прочтите объявления, и вы увидите, что в России имеются цивилизация, общество, литература, театр, изящные искусства, наука, но нет ни единого врача; юному обществу глубокие познания неведомы» [3, с. 157].

Крепкие традиции производства симулякров существуют и в политической жизни современной России. Они находят выражение в создании псевдо-политических партий и общественных движений, в выборах с заранее определённым результатом, в деятельности разных «гражданских форумов», «общественных палат», «народных фронтов», выступлениях властных лиц с популистскими починами, программами, проектами, обещаниями и т.п. Явное преобладание всевозможных пиар-проектов и технологий над реальными действиями и конкретными достижениями, перезагрузка идеологической пустоты при сохранении сырьевой экономики позволяют утверждать, что государство, общество, политическая жизнь России являются Симулякром.

Политическая реальность начала XXI века — это разрушение политического пространства. Исчезли относительно независимые игроки: партийные лидеры, губернаторы, олигархи, оппозиционеры, но остался президент с его неестественно огромным рейтингом, окружённый абсолютно непрозрачной администрацией, техническими фигурами премьера, министров, спикеров обеих палат Федерального Собрания и других чиновников. Предметом публичной политики становятся такие симулякры, как «разлагающийся Запад», «суверенная демократия», «восстановление управляемости государством», «удвоение ВВП», «покупай всё российское».

В соответствии с требованиями эпохи постмодерна у правящей партии не может быть идеологии. Каково мировоззрение партии «Единая Россия»? У этой «партии» нет героического прошлого, своей идеологии, реальной оппозиции. Она не боролась за власть, так как стояла у власти ещё до своего рождения. У неё нет идей (ведь не может же быть идеей реформа ЖКХ, ремонт дорог, модернизация армии или полиции), поэтому с самого начала — полное спокойствие. Только клановая борьба на местах, подковёрные интриги «вверху» нарушают абсолютную тишину и невозмутимость российского

политического болота. Позавчера были в КПСС, вчера перебежали в партию «Наш дом — Россия», сегодня — в «Единой России», а завтра в партии, которая будет при власти. Вот почему «Единая Россия» — не правая и не левая, не консервативная и не либеральная, партия общенациональная и общероссийская, синтезирующая разные интересы, да и не партия она вообще, а квинтэссенция народная (лучшие люди).

Когда Бодрийяр вводил в культурный обиход понятие «симулякр», он и не подозревал, насколько уместным оно окажется в России. Российская система власти — настоящая «фабрика симулякров»: Государственная дума, которая пытается выглядеть независимым парламентом, контролирующим исполнительную власть от имени гражданского общества; выборы, имитирующие народовластие, многопартийность и реальную конкуренцию политических сил; власть цензуры под видом свободы слова на телевидении; видимость независимого правосудия и внутри(меж)клановая грызня под видом борьбы за чистоту «силовых структур»; «общение» президента с народом по заранее утверждённому списку вопросов, создание образа врага — «мерзкого Запада» и образа заступника народного в кабине вертолёта, на подводной лодке, на охоте, на рыбалке, на лыжах, в окружении детей, стариков, погорельцев, военных, с мощным торсом, играющего мускулами, за рулём отечественного автомобиля, за штурвалом самолёта, достающего амфоры со дна морского, летящего впереди стерхов на дельтаплане, за рулём отечественной Лады, лечащего тигров, в роли дзюдоиста, байкера, одаривающего, спасающего, гневающегося, шутящего, вершащего политику и т.д. и т.п.

Симулякр — не пустое понятие и даже не псевдо-понятие. Псевдо-понятие может быть изобличено как ложное, симулякр же пребывает по ту сторону истинности и ложности. Как писал П. Клоссовски, «симулякр образует знак мгновенного состояния и не может ни установить обмена между умами, ни позволить перехода одной мысли в другую» [4, с. 81].

«Побольше цинизма, — говорил Остап Бендер, — людям это нравится!» Если раньше тот, кто мог стать циником, становился великим политиком, то сегодня функционеры Единой России или депутаты Госдумы поднаторели в этом отношении так, что дадут фору Талейрану, Меттерниху и Бисмарку, вместе взятым. Ещё вчера мы удивлялись шутовству В.В Жириновского, который бросал в массы лозунги: «Либералов — на север! Мы будем мыть сапоги в Индийском океане! Кавказцев — вон! Каждому колхознику — по бутылке! Каждой женщине — по ребёнку!» Сегодня даже президент России изъясняется на особом языке, который больше напоминает «ботание по фене»: мочить в сортире, белоленточки, вклеить двучечку, бандерлоги, презервативы, шарашка и пр.

Перед выборами срочно создаётся Народный фронт, который после выборов куда-то таинственным образом исчезает. Неизвестно почему — фронт, почему фронт не борется со скрытыми и явными безобразиями? Почему даёт трудящихся в обиду? Почему молчит? Почему чиновники-единороссы до сих пор не на фронте? Если есть фронт, то должны быть и враги, с которыми нужно бороться. Враги — внутренние и внешние — срочно подыскиваются. Деление друг/враг никогда не бывает простой констатацией фактического различия: враг по определению всегда — по крайней мере, до определённого момента — невидим, он выглядит как один из нас, сразу его не узнать. Очевидно, что каждый потенциальный несогласный, диссидент, инакомыслящий — это боевик, партизан, шпион, «пятая колонна». Враг, в этом смысле, повсюду; угроза для нас имеет глобальный характер. Реализация гарантированного конституцией права на марши, пикеты, демонстрации, требование соблюдения законов судами и силовыми структурами сразу переименовываются в «подрыв стабильности» и «опасность экстремистского насилия», в «оранжевую угрозу». В России растёт популярность тюремного заключения как способа борьбы со всем нежелательным. Легитимность — это согласие народа с властью, когда он добровольно признаёт за ней право принимать обязательные решения. Чем ниже уровень легитимности, тем чаще

власть будет опираться на силовое принуждение. Когда становится популярным тюремное заключение, легитимность власти становится расплывчатой, туманной, неопределённой, она ставится под вопрос.

Симуляция некоего, якобы управляемого пространства происходит при помощи произнесённых и напечатанных текстов, концентрацией на ограниченной территории определённых знаков и символов, а также взаимодействием внутренних симулякров, таких как «президентская вертикаль», «исполнительная власть», «силовые структуры», «группы интересов», «оппозиционные партии», «субъекты хозяйствования» и прочее. Они своими манипуляциями создают псевдособытия, которые симулируют наличие «матрицы» — национальной государственности. Типичным симулякром является, например, «союзное государство Беларуси и России», которое мы столько лет «строили». К числу симулякров можно отнести и всякого рода рейтинги политических лидеров, партий, движений, подающихся как социологические опросы общественного мнения, ничем не подкреплённые лозунги, проекты, обещания. В данном случае происходит подмена реальности каким-то «знаком» или «текстом-призраком». Таким «знаком», к примеру, является лозунг — «План Путина — победа России».

Всё эти политические симулякры призваны имитировать бурную общественную жизнь при её полнейшем параличе. Что такое, скажем, Общественная палата, как не пародия на реально действующий парламент, который и должен быть реальным форумом гражданского общества? И формируется он по старому советскому принципу — от рабочих, от интеллигенции, от женщин, от национальных меньшинств, от военных, от пенсионеров, от инвалидов, от... (а это просто наш человек!).

Ещё большевики стали изобретать симулякры, сакрализовали свои лозунги: вместо святых мощей — мощи на Красной площади; вместо икон — портреты вождей; вместо крестных ходов — манифестации; вместо литургии и псалмов — партсобрание и «Интернационал». Приём сакрализации вождя переняли власти нынешние. В качестве примера приведу несколько

высказываний о «горячо любимом и уважаемом выходеце из народа». Любовь Слиска: «Путин — это наше всё». Рамзан Кадыров: «Путин подарил чеченскому народу жизнь вторую! Аллах его назначил на это место. Путин — дар божий, он подарил нам свободу. Такой человек — находка для России. Пока у него есть здоровье, мы должны его просить, встать на колени, чтобы он правил государством». Елена Лапшина: «Я обращаюсь ко всем вам. Давайте вместе что-нибудь придумаем, чтобы Владимир Владимирович Путин оставался нашим президентом и после 2008 года. Закон о президентском сроке можно изменить». Всё это напоминает приснопамятные собрания партийного и хозяйственного актива времён Брежнева. Мы словно перенеслись на 40 лет назад, в начало 70-х годов. И слова те же самые, и инициативы, и даже манера изложения, и "одобрямс" в зале, и хлопанье в ладоши.

Мощным средством воздействия на сознание обывателя является российский политический новояз. В статьях о происходящих событиях часто мелькают наёмники, ополченцы, боевики, партизаны, террористы, бандиты, бандформирования, регулярные войска, мятежники. Вчера они были наёмники, сегодня уже ополченцы, вчера — террористы, сегодня оппозиционеры! Кто есть кто? Где наши? И где не наши? Кто с кем воюет? Бандиты с террористами? Или мятежники с наёмниками? Вот типичные политические симулякры, использовавшиеся российскими СМИ: Война с Грузией — понуждение к миру; бомбёжка — бесконтактная борьба (бомбёжки Чечни — «бесконтактная борьба с бандформированиями»); системная оппозиция (не опасная) — внесистемная оппозиция (греховная, преступная); шпион — разведчик; ограниченный контингент — бандформирование; партизан — боевик (боестолковения с бандформированиями); богатый — олигарх (богатый человек — член кремлёвской номенклатуры, олигарх — богатый человек, который не угоден власти; оккупация — освобождение. Например, победа демократов — оккупация агентами США, «оранжевая революция». Оккупация Афганистана русскими войсками в 1980-м году или Прибалтики в 1939-м — освобождение; информационная война — сокрытие

правды, навязывание лжи; «вертикаль власти» — разделение зон «крышевания» между наместниками. Того, кто об этом говорит открыто, «наказывают» вплоть до убийства, как Магнитского или Политковскую; системное рейдерство — кража в большом размере со стороны власти.

Политика симулируется с целью обретения власти — без реализации конкретных программ или исполнения предвыборных обещаний. Партии ничего не выражают, никого не представляют, не отстаивают чьи-либо интересы и не борются за что-либо реальное. Тем не менее, они, как нанайские мальчики, борются друг с другом, симулируя оппозицию и многопартийность. Такая имитация реальности возможна лишь в зоне безусловной пассивности, «зоне бандерлогов».

Современное общество конституируется как общество тотальной зрелищности, трансполитики. В системах транс-политики, общества-спектакля симулякр подчиняется интересам жизни-спектакля в целом. В России всё больше размывается грань, которая отделяет реальность от ирреальности, жизнь от спектакля, политику от шоу. Уже не только зрители, но и сами актеры этой грандиозной постановки не в состоянии разобраться, где кончается спектакль, а где начинается жизнь. Доминируют лишь аналитики, интерпретаторы и популяризаторы, выступающие в СМИ как модераторы бесконечных ток-шоу, музыкальных и юмористических программ, викторин, конкурсов, лотерей, теледискуссий. Они формируют из зрителей послушное «молчаливое большинство». «Массы — это те, кто ослеплен игрой символов и порабощён стереотипами, это те, кто воспримет всё, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным» [5, с. 15-16]. В таком контексте идеология — это тоже всего лишь набор привлекательных, сиюминутных, преходящих трендов. Так сейчас у власть имущих на повестке дня «новая-старая песня о главном» — тренд «духовно-нравственные ценности».

Россия — страна декораций, здесь любят пустить пыль в глаза. Нет в России дорог? — Будем ездить на внедорожниках! Вымирает население? — Завезём его из-за рубежа! Нет собственной промышленности и сельского

хозяйства? — Будем продавать нефть и газ и ещё несколько десятилетий продержимся! Нет своих технологий и научных разработок, а учёные уезжают за рубеж? — Построим Сколково! Страна, которая вымирает, истощает свои природные ресурсы и наплевательски относится к науке, культуре и образованию, обречена на исчезновение? — После нас хоть потоп!

Обыватель привычно ищет врага, который во всём виноват. Он обязательно должен кого-то ненавидеть, поэтому враг обязательно должен быть, и он обязательно найдётся. Конечно, во всём виноваты евреи, жида, таджики, узбеки, буржуазия, кулаки, враги народа, понаехавшие, американцы, черномазые, кавказцы, олигархи, масоны, чурки, ЦРУ, ФБР, Госдеп, неверные, либералы, дерьмократы, Разлагающийся и Прогнивший Запад, люди с плохой фамилией, не наши, все, кто противостоит нашим! Главное — «замочить боевиков в сортире», при этом само понятие боевик никак не определено. Боевик — это просто не наш, нехороший человек, партизан, враг. Он — крайний член оппозиции наши/не наши, друзья/враги, мы/они, свои/чужие. Они — изначально плохи, служат Сатане, дьяволу, Злу, вредят нам, мешают, подрывают нашу мощь и величие. Наши — это не сосед по лестничной площадке, а абстрактная общность, которая существует лишь в голове Нашиста. Убьёшь всех, уничтожишь врагов — и станет легче. И сразу построишь коммунизм, развитой капитализм, Святую Русь, светлое будущее, Идеальное Царство. Сердце Нашиста гложет *ressentiment* — зависть, злость, обида, мстительность, сознание своей ущербности, неполноценности, убожества, рабства и печальной судьбы. Человек, который не уважает самого себя, готов взорвать весь мир. Он всегда ищет врага, который во всём виноват, который мешает ему жить. Но причина не вовне, а внутри, потому что ему не за что себя уважать. Мечь и зависть — удел маленьких, ничтожных людей.

Страна, лишённая чувствительных рецепторов «обратной связи» с внешним миром, обречена на трагедии и болезни, — как и власть, обрубившая последние связи с реальным гражданским обществом и пребывающая в мире собственных галлюцинаций. Зазеркалье, воцарившееся в стране, не только

подменяет понятия, насаждает атмосферу лицемерия и лжи, выдавая аморальное холопство или правовой нигилизм «моральных лидеров нации» за норму существования. В «тени молчаливого большинства» (Ж. Бодрийяр) не может вызревать ничего, кроме политического напряжения и внутреннего протеста против атмосферы официозной лжи и лицемерия, кроме презрения к власти.

Сегодня даже власть имущие уже не могут отрицать, что страна находится на краю глубокой пропасти, распада, всеобщего хаоса. Каждое утро мы привычно читаем в сводках новостей сообщения о том, что в России упал и разбился самолёт, сошёл с рельсов поезд, взорвались снаряды, произошла авария на электростанции, горят леса и торфяники, не долетела до расчётной траектории ракета, убили в центре Москвы стоявших на остановке прохожих, расстреляли из автоматов кого-то на Тверской, сгорели заживо инвалиды или престарелые в интернате, взяли с поличным министра или его зама, высокопоставленный чиновник произнёс очередную бредовую речь... Мы уже привыкли к тому, что в стране ничего не происходит, даже если в ней каждый день катастрофы. Привыкли, что у нас каждый день должно что-то ломаться, приходиться в негодность, взрываться, падать, сходиться с орбиты, терпеть аварию. А страна должна всё это терпеть, преодолевать и надеяться на лучшее будущее. Если в стране кризис — состояние перманентное, то это уже не кризис. Это состояние небытия, не существования, имитации жизни.

Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно. По большому счёту, это совсем не смешно. Более того, это свидетельство неуправляемости ситуацией: страна идёт вразнос, как автомобиль, у которого отказали тормоза. Однако пир во время чумы продолжается!

Библиографический список

1. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
3. Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. I. М., 1996. С. 157.

4. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса. СПб., 1994.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.